

ИСТОКИ НАДПОЗИТИВНОЙ МОДЕЛИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Г.А. Борисов, Д.В. Яковлев

Вопрос о сущности права, его роли и месте в жизни общества привлекал внимание правоведов на всех этапах исторического развития. В последнее время особый интерес вызывает исследование влияния всемирной глобализации на национальные и региональные правовые системы. При этом отмечаются основные направления такого влияния: усиление взаимопроникновения различных правовых систем и повышение удельного веса ратификационных международных норм в системах национального права [1]; возникновение новых понятий, в числе которых геополитика и геоэкономика [2]; изменение функций государства, возрастание роли международного права, международных организаций, шаги по созданию единого правового пространства, гармонизации и унификации законодательств государств [3]. По мнению А.С. Пиголкина, создание мировой глобальной правовой системы охватывает международное право, национальные правовые системы и новые, постепенно нарождающиеся нормы, институты и отрасли [4].

Общим знаменателем современных научных дискуссий относительно влияния глобализации на феномен права являются права человека и связанные с ними международные стандарты и правозащитные механизмы, которые наполняются новым содержанием и требуют адекватного правового обеспечения на внутригосударственном уровне. Постигание нового содержания прав человека требует опоры на систематизированный опыт предшественников.

Известный тезис о верховенстве прав человека корреспондирует идее Сократа о существовании более высокой правовой материи, писаных и неписаных законов, что расценивается как одна из первых попыток философско-правового обоснования того, что позднее отнесут к естественному и позитивному праву [5]. По мнению Аристотеля, вы-

двинувшего идею о существовании естественного и условного права, первое везде имеет одинаковое значение и не зависит от его признания или непризнания, а второе охватывает законы, установленные в государстве, включая его писаные и неписаные формы.

Римские юристы считали естественное право частью положительного (позитивного) права. Действующее право каждого народа они понимали как совокупность норм, установленных волей людей, изменяемых и неизменных – “всегда и везде существующих, поскольку они обусловлены самой природой” [6, с. 119].

Политико-правовая мысль средних веков опосредовалась характерной для них теоцентричностью. Идея существования естественного права трансформировалась в теорию божественного права, которое также противопоставлялось позитивному и считалось истинным. Источником такого права была уже не природа, как у античных авторов, а высшее существо – Бог или Божественная сила.

В период Ренессанса и Нового времени в условиях отказа от теоцентризма в юридическую литературу вернулся термин “естественное право”, но в ином понимании: оно рассматривалось параллельно с позитивным правом, а не как его составная часть, как у античных философов [6, с. 123].

Дж. Локк путем соединения теорий естественного права, общественного договора, учения о народном суверенитете и разделении властей стал родоначальником философской концепции личных прав и свобод человека как “сферы существования” естественного права. Совокупность прирожденных личных прав, по Локку, ограничивает полномочия общества и выступает преградой покушениям на свободу и собственность частных лиц. Естественные неотчуждаемые права человека и гражданина являются изначальным ограничением деятельности государства. Они

исходят из естественного состояния, а потому сохраняют верховенство над государством, создаваемым для их лучшего обеспечения [7]. В силу подобной трактовки естественное право по сути стало ассоциироваться с каталогом прав человека, а термины “естественные права человека” и “права человека” долгое время отождествлялись.

В период господства позитивизма (конец XIX—середина XX вв.) естественно-правовые идеи подверглись активной критике. С крайних позиций отрицалось само существование естественного права, а природа прав человека отождествлялась исключительно с волеизъявлением государства.

Возрождение естественно-правовой теории было поддержано всплеском интереса к правам человека. Однако современные условия потребовали модернизации концепции естественного права с учетом достижений науки и техники, политического плюрализма, процессов глобализации, возрастающей роли международного права. В контексте этого актуализировалась необходимость отработки понятийного аппарата, результатами чего явились понятия “возрожденное естественное право”, “современное естественное право” [8], “естественное позитивное право” [9] и др. Вместе с тем большинство авторов не стремится отойти от терминологии “естественности” и чаще всего старается расширить содержание понятия “естественное право”, включая в него новые виды прав человека, природа которых выходит за устоявшиеся рамки данной теории.

Необходимо уточнить, что наряду с исконно “естественными” правами, современный человек обладает и такими, которые несопоставимы с естественным характером своего происхождения, но обеспечивают развитие и самовыражение личности. В их числе право на образование, справедливое судебное разбирательство, культурные, экологические, информационные и иные права. Реализация данных прав опосредована деятельностью государственного механизма конкретной страны.

В таком сложном сплетении различных по своей природе прав человека под воздействием взаимопроникновения национального и международного права обозначились черты нового правового явления, отражающего современные стандарты правосубъектности человека. Предлагаем распространить на этот феномен понятие “надпозитивное право”. Эта

интегральная категория, как представляется, характеризует современное содержание и состояние идеи прав человека и ее реальное воплощение.

Несмотря на то, что природа надпозитивного права связана и с национальными, и с международными нормами, именно в последних, по нашему мнению, наиболее полно отражено его объективное содержание. Квинтэссенцию международных актов о правах человека универсального и партикулярного уровней составляют международные стандарты в сфере прав человека, к исследованию которых и в материальном, и в процессуальном аспектах сохраняется устойчивый научный интерес [10].

Надпозитивное право, зародившись как философско-правовая категория, приобрело черты реально действующего механизма правозащитной деятельности [11]. Ее принципы концентрированно закреплены в международных актах о правах человека. “Плодородным правозащитным зерном” здесь стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г.: закрепленные в ней положения, касающиеся защиты прав человека, были воспроизведены и конкретизированы в международных пактах 1966 г. Последние в свою очередь основали универсальный генеральный вектор международной защиты прав человека.

Особую процессуальную нагрузку несет Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., поскольку для обеспечения соблюдения закрепленных в ней обязательств государства-участники учредили постоянно действующий специализированный орган — Европейский Суд по правам человека.

Исходя из правового содержания названных актов, категорию “надпозитивное право” можно определить как систему сформированных международным сообществом базовых нормативных установлений, выражающих формально определенные возможности и притязания людей на обладание и использование социальных благ, обусловленных осуществлением общечеловеческих ценностей, признаваемых и обеспечиваемых потенциальными юрисдикционными средствами государств, а также средствами контроля международных учреждений.

Подобное понимание надпозитивного права дает, на наш взгляд, возможность наполнить новым содержанием права человека в широком аспекте их современных прояв-

лений, а также может иметь общеметодологическое значение для всей теории права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поленина С.В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3. С. 11.
2. Кочетов Э.Г. Основные характеристики глобализационного процесса и правовое измерение мира // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 88.
3. Задачи международного права в глобальном мире. По материалам Московского юридического форума "Глобализация, государство, право, XXI век" // Государство и право. 2003. № 10. С. 113.
4. См.: Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции. Обзор материалов "круглого стола" // Государство и право. 2004. № 12.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 2 кн. Кн. 2. СПб., 1994. С. 41–42.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.
7. Абдуллаев М.И. Права человека и закон: историко-теоретические аспекты. СПб., 2004. С. 50, 51.
8. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 8.
9. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 97.
10. Ледях И. Новый Уголовный кодекс РФ и международные стандарты по правам человека // Российская юстиция. 1997. № 1; Лантев П.А. Международные стандарты в области прав человека. Классификация прав человека // Российское гуманитарное право. М., 1998; Берестнев Ю. Российская правовая система и европейские стандарты // Российская юстиция. 2001. № 1; Саидов А.Х. Обще-признанные права человека / Под ред. И.И. Лукашука. М., 2002; Мархгейм М.В. Стандартизация российского правозащитного законодательства: международно-правовой фактор // Государственное строительство и право. Вып. 6. М., 2004.
11. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Защита прав человека: Международные и российские механизмы. М., 2000; Мархгейм М.В. Проблемы и пределы стандартизации правозащитной деятельности: международный и национальный механизмы // Взаимодействие международного и российского гуманитарного права в сфере конституционной защиты личности. Ростов н/Д, 2006.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

В.П. Касаткин, М.А. Варфоломеев

Современное политическое и социально-экономическое состояние российского общества, различные угрозы его безопасному существованию и прогрессивному развитию, сложность противодействия этим угрозам обусловили необходимость поиска и использования новых путей решения возникающих в сфере безопасности проблем. Концептуальный подход к их решению отражен в Концепции национальной безопасности, Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [1].

Системное решение данных проблем возможно лишь при условии проведения грамотной государственной политики, сформированной с учетом действенного правового инструментария. Повышение эффективности такой политики требует более широкого применения обобщенно-теоретического обоснования и оформления публичной управленческой деятельности.

Концептуальное обеспечение отечественной государственной политики в сфере без-

опасности предполагает учет научных разработок по вопросам правовой политики [2]. В них обосновывается, что термин "правовая политика" не только перспективен для дальнейшей разработки в рамках юридической науки, но и заслуженно претендует на включение его в ряд общетеоретических категорий, с помощью которых раскрывается содержание государственной политики вообще и в сфере безопасности – в частности. Вопросы правовой политики в сфере безопасности получают свое развитие в отраслевом юридическом преломлении [3].

Отдельные концептуальные позиции государственной политики по вопросам безопасности формализованы и содержатся в федеральных конституционных законах РФ от 30 мая 2001 г. "О чрезвычайном положении", от 30 января 2002 г. "О военном положении"; в федеральных законах от 21 декабря 1994 г. "О пожарной безопасности", от 20 апреля 1995 г. "О государственной защите судей и должностных лиц правоохранительных